

И на этом ничего не закончилось. Еще не раз я влипал в неловкие и глупые ситуации с ничего не помнящим Инь Хуайму.

Ведь мы уже семь лет женаты, и за это время у нас сложились много маленьких привычек. Изменить их сразу не получится, например, я иногда невольно зову его "мужем", а ещё, когда вижу, как Юй Хуайму открывает глаза, я сразу бегу ему помогать одеться и уложить волосы, а теперь еще и хвост расчесываю.

Мой хвост короче, и я не могу дотянуться до него сам. Но хвост Юй Хуайму такой длинный и красивый, он всё время мелькает перед моими глазами, будто манит... Иногда так и хочется его поймать.

Но любовь — это сдержанность. Мне нужно сдерживаться, иначе Юй Хуайму подумает, что я психопат, который только и мечтает о его хвосте.

Когда я проявляю заботу, сую нос в его дела или делаю что-то интимное, он впадает в ступор и только выдавливает: «Спасибо».

Будто мы не мужа, а случайные знакомые. Кто бы нас увидел, сразу понял бы: наш брак — просто фарс.

Как и у Инь Хуайму, мой хвост пока не возвращается в прежнее состояние. Но, к счастью, он совсем короткий, и его легко спрятать — достаточно просто заправить в штаны.

Правда, сзади на брюках образуется странная выпуклость, поэтому, когда я встаю с кровати, приходится накидывать просторный халат, чтобы скрыть её. И двигаться очень осторожно, чтобы не привлечь лишнего внимания.

Мама, заметив мои мучения, предложила неожиданное решение:

— Лапонька, а может, тебе лучше носить юбку?

Я замер, не в силах вымолвить ни слова.

Мама, как всегда, поражала своей изобретательностью. Иногда мне кажется, она с самого начала мечтала о дочери.

Инь Хуайму, лежавший на соседней койке, услышал наш разговор. Он сперва опешил, затем уголки его губ дрогнули в лёгкой улыбке.

Я невольно застыл. После аварии мы с ним уже две недели находимся в больнице, и сегодня впервые за всё это время я увидел его улыбку.

Это была едва заметная, мимолётная улыбка, но она окутала меня теплом, словно весенний ветерок коснулся сердца, и цветы в душе распустились навстречу свету.

Ну, его можно понять. Инь Хуайму ничерта не помнил о последних десяти годах жизни. И когда он открыл глаза ему сообщили, что сейчас ему двадцать девять, он — знаменитый актёр, кумир миллионов, и что он... женат на мне, на крошечном пудельке.

Слишком много информации обрушилось на него разом. Он будто не мог переварить реальность: взгляд его стал рассеянным, лицо — отстранённым, а сам он часто погружался в молчаливую задумчивость.

Но если ради его улыбки надо надеть юбку и немного подурачиться — что ж, я готов! Пусть даже придётся изображать из себя «собаку в юбочке» — лишь бы развеять его тоску.

После нескольких дней отдыха мое физическое и душевное состояние стабилизировалось, мой коричневый короткий хвостик спрятался, и я, наконец, стал самим собой.

Врач утверждал, что мои ранения изначально были незначительными, а теперь и вовсе когда всё восстановилось — можно готовиться к выписке.

Но с Инь Хуайму было все наоборот. Его физическое восстановление шло медленно. Его организм начал выдавать аллергические реакции на еду. Эта ночь оказалась для него мучительной — рези в животе приходили волнами, хвост безжизненно свисал.

Я проснулся посреди ночи, услышав шорох, и не мог уснуть, волнуясь, что нужно вызвать врача. Но Инь Хуайму покачал головой и сказал, что это пустяки, и что ему нужно просто сходить в туалет, и что никто не должен увидеть его хвост.

В итоге в туалет он так бегал раз пять, я как мог помогал ему, вытирал пот с его лба теплым полотенцем.

— Ещё болит? Сильно? Не молчи если болит!

Инь Хуайму просто кивал.

Когда спазмы утихли, он растянулся на кровати и смог заснуть. Я же уснуть не мог — сидел у изголовья, как часовой.

Около трех часов ночи Инь Хуайму снова проснулся, и я сразу же наклонился к нему, заботливо спрашивая:

— Что случилось? Ты опять чувствуешь себя плохо?

Но он спросил меня:

— Ты не устал? Может ляжешь спать?

— Мне не спится, — отмахнулся я, но он откинул одеяло и чуть сдвинулся, освобождая место на кровати:

— Ложись... рядом. Пожалуйста.

Мое сердце пропустило удар, и я почти подумал, что ослышался.

Когда я замер, Инь Хуайму протянул свой пушистый длинный хвост и слегка коснулся им моей ладони, как бы приглашая меня погладить его.

Я машинально взял его хвост в руку и лег рядом с Инь Хуайму.

У собак хвост — самое уязвимое место. Странно, что он позволял мне трогать... Это означает, что он мне полностью доверяет, потому что когда хвоста касаются незнакомцы мы, обычно, отстраняемся и пытаемся избежать прикосновений.

Тепло его тела вплеталось в ночную тишину. Не важно — человек он или пёс, помнит он меня или нет... Я всё равно буду его любить всем своим сердцем.

Я думал, что Инь Хуайму уже расслабился рядом со мной, и что я наконец-то стал ему ближе, но на следующий день, когда я вошел в палату, я увидел на столе обручальное кольцо.

Он снял кольцо?..

Мое сердце замерло, и я сразу же посмотрел на Инь Хуайму, сидящего на кровати.

Теперь у меня не было хвоста, и я мог свободно гулять, а ему всё ещё тяжело. Он молча смотрел на поднос с едой, который принесла медсестра, и не притрагивался к еде.

Не понимая, что происходит. Но не спешил хватать кольцо и выяснять отношения. В глубине души я всё ещё верил ему...

— Ты почему ты не ешь? Еда не нравится?

Он молчал. Обе руки остались под одеялом.

Я подошел ближе. Его организм теперь не переносил почти ничего — и эта тарелка с пресным супом... Очевидно, ему не нравилась.

— Я схожу, куплю что-нибудь... Что ты хочешь?

— Не нужно, я... — Инь Хуайму запнулся и не закончил фразу, явно сдерживаясь.

Внезапно Инь Хуайму наклонился и начал лизать суп в тарелке, не используя руки.

Я ошарашенно моргнул.

Подождите! Почему он ест, как животное?!

Значит, его болезнь прогрессирует? Ум откатывается? Он станет таким навсегда?!

Я почувствовал дрожь. Схватила его руку и вытащил из-под одеяла... пару собачьих лап.

Черт возьми!

Кто бы мог подумать — после того как хвост Инь Хуайму обрёл «настоящую» форму, его руки тоже вернулись к первоначальной природе!

Я держал его "руку" и чувствовал, что она круглая и мягкая, и не мог не потрогать ее, сжимая его мягкую подушечку. Когда я осознал, что делаю, что уже сделал множество раз....

Смутившись, я немедленно отпустила.

— Извини!

Но Инь Хуайму был не против.

— Ничего страшного, хотя я пока не могу вспомнить тебя, но брат сказал, что ты мой партнер, и мы вместе уже семь лет. Брат никогда не обманывает меня, и я могу чувствовать знакомый запах на тебе, от тебя исходит тот же запах, что и от меня, мне это нравится.

Щеки вспыхнули, сердце застучало в унисон с его хвостом.

С лапами Инь Хуайму не мог есть сам, поэтому я кормил его, и он послушно открывал рот, тщательно пережевывая каждую порцию, и ел с таким изяществом и достоинством...

Наконец, он допил суп, и в итоге съел все, не оставив ни одной крошки. Он был так послушен, что я хотел погладить его по голове, но боялся напугать его, поэтому сдержался.

Когда я собрал посуду и собрался уходить, он окликнул меня и улыбнулся:

— Спасибо!

Можете ли вы представить себе эту картину?

Он больше не был холоден, его взгляд стал теплым и ясным, и он улыбался, виляя хвостом, как послушная собака!

Боже, дай мне сил!

Я почти не мог дышать и чувствовал, что теряю сознание!

Из-за слишком сильного волнения и возбуждения мой хвост снова вылез наружу.

Инь Хуайму вилял хвостом, и я вилял в ответ, подстраиваясь под его ритм и частоту. Если бы была романтическая фоновая музыка, мы бы показали прекрасный дуэт, виляя хвостами в унисон, как будто созданы друг для друга.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/13879/1223938>